

Сорокинъ пытается дать собственную анатомо-морфологическую систематику сложных социальных агрегатовъ (стр. 338 Т. II). Замѣтимъ, однако, по поводу сорокинской систематики, что она была бы неотвратимо-убѣдительною лишь тогда, если самое раздѣленіе на кумулятивные группы, — классъ, націю и т. д., — основывалось бы на столь же явныхъ признакахъ, на какихъ опирается морфология ботаники или зоологии. Но путь социальной аналитики указанъ Сорокинымъ, на нашъ взглядъ, правильно.

Мы и въ малой долѣ не исчерпали богатаго содержанія книгъ Сорокина, свидѣтельствующихъ своими примѣчаніями объ обширѣйшей пачитанности автора. Скажемъ только, что въ известномъ смыслѣ онѣ составляютъ событіе въ современномъ русскомъ общественно-вѣдѣніи. Опять советской Россіи косвенно показали слабость общественно-вѣдѣнія: до сихъ поръ неизвѣстны элементы или матеріалы того, что мы называемъ об-

ществомъ, ни сопротивление этихъ матеріаловъ. Въ атмосферѣ «голода, тифа и произвола», въ обстановкѣ большевистскаго опыта, о которомъ, кстати, авторъ смѣло и рѣзко отзывается въ своихъ книгахъ, у русскихъ общественно-вѣдѣнцевъ рождается мысль создать безспорную объективную социологию. П. Сорокинъ первый русскій социологъ, который, вобравъ въ себя всю современную, въ особеннети англо-саксонскую социологию, пытается освободить эту науку отъ всякихъ политическихъ и этическихъ предпосылокъ и «измовъ». Въ настоящій моментъ, задолго до окончанія всего объемаго труда Сорокина, трудно дать надлежащую оцѣнку даже и вышедшихъ двухъ томовъ. Но, несмотря на тотъ описательный формализмъ, который свойственъ этой, скажемъ, «общественно-безпредпосылочной» социологии, она все же даетъ солидное основаніе помысламъ работникамъ на нивѣ общественно-вѣдѣнія и поэтому заслуживаетъ и признанія, и распространенія.

Проф. М. Лазерсонъ.

Рабиндранатъ Тагоръ. Націонализмъ. (Переводъ съ англ. Шкляверъ. Изд. С. Ефронъ, Берлинъ.

Подъ этимъ заглавіемъ здѣсь собраны три статьи Рабиндранатъ Тагора: «Націонализмъ на Западѣ», «Націонализмъ въ

Японіи», «Націонализмъ въ Индіи» и небольшая поэма — «Закать столѣтія».

Основная идея Тагора — про-

тивопоставленіе Востока, въ частности Индіи, Западу, т. е. Европѣ, какъ двухъ типовъ чловѣческаго обществитія.

Западъ — это «Нація». Не та или иная нація: Англія, Германія, Франція, но нація какъ извѣстная форма организаціи. «Нація есть организація народа для опредѣленной механической цѣли... Организованный эгоизмъ». Критика Рабиндранатъ Тагора направлена, и въ томъ ея особое «сверхнаціональное» значеніе, отнюдь не противъ Англіи, но противъ «націи» какъ извѣстной общественной формы, типичной для современной Европы.

«Когда организація политики и торговли, именуемая націей, становится всемогущей за счетъ гармоническаго развитія высшихъ жизненныхъ формъ, тогда чловѣчество... попадаетъ въ опасное положеніе... Когда общество представляетъ собою только организованную силу, то почти вѣтъ преступленія, на которое оно не было бы способно. Ибо цѣлью машины и оправданіемъ ея существованія являются матеріальный успѣхъ...»

И вотъ, это «абстрактное существо, нація, управляетъ Индіей... Здѣсь рѣчь идетъ не объ англійскомъ правительствѣ, а во обще о системѣ управленія, свойственной націи, какъ таковой... Близко стлкиваться намъ пришлось лишь съ англійскимъ правительствомъ и можно считать, что... англійское правительство является, вѣроятно, однимъ

изъ лучшихъ... Я цѣню и люблю англичанъ какъ людей... Мы также явственно чувствуемъ величіе этого народа какъ ощущаемъ солнце. Какъ нація-же это для насъ густой, удушливый туманъ, застилающій самое солнце».

Индусскій мыслитель любитъ Европу, цѣнить ее, отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что она сдѣлала для чловѣчества, указываетъ, въ частности, что самая идея чловѣчества развилась и воплотилась въ мысленіи европейскихъ философовъ и писателей, въ подвигахъ ея ученыхъ и общественныхъ дѣятелей. «Западъ никогда не достигъ бы своей теперешней духовной высоты, если бы его сила была исключительно силой дикаго звѣря или машины... Мы были бы не справедливы по отношенію къ Европѣ и по отношенію къ самимъ себѣ, если бы мы сказали, что она очаровала современнй Востокъ лишь простымъ выявленіемъ своей силы. Сквозь дымъ ея пушекъ и сквозь пыль ея рынковъ до насъ доходила яркіе лучи ея нравственной природы, несая съ собою идеалы моральной свободы, заложенной глубже чѣмъ всѣ социальныя условности и сфера дѣйствій которой — весь міръ. Востокъ, несмотря на все свое отвращеніе къ Европѣ, инстинктивно чувствовалъ, что онъ еще многому можетъ у нея научиться, не только въ дѣлѣ организаціи моши матеріальной, но и

въ дѣлѣ приобщенія къ первоисточникамъ духовной и нравственной природы человѣка... Именно потому что Европа внушила намъ такое глубокое уваженіе къ себѣ — она стала столь опасной для насъ тамъ, гдѣ сказывается внутренняя слабость и лживость, опасной какъ ядъ, который подмѣшали къ нашему любимому блюду. Но... мы можемъ привлечь самое Европу въ качествѣ нашей союзницы въ борьбѣ противъ ся же собственныхъ соблазновъ и насильственныхъ захватовъ».

Тагоръ предвидитъ катастрофу: онъ не вѣритъ въ прочность современнаго мірового строя, гдѣ властвуетъ націонализмъ, гдѣ организацией подавлена человеческая личность. «Тяжелопѣсное зданіе современнаго прогресса не просуществуетъ долго... Двигаясь по рельсамъ организациі, оно не въ состояніи выбрать свой путь и если когда-либо сойдетъ съ рельсъ, то повлечетъ за собою и весь поѣздъ. Развѣ не наблюдаются уже теперь признаки этого крушенія? Развѣ не доносится до насъ уже теперь, сквозь шумъ войны... го-лошь возвѣщающей... что башня національнаго эгоизма, именуемая патриотизмомъ... уже сильно колеблется... и самое знамя ея будетъ валяться въ пыли, а свѣтъ ся потухнетъ... Тогда вѣчный свѣтъ спова засіяетъ на Востокѣ!!!»

На Востокѣ, дѣйствительно,

въ Индіи, въ Китаѣ Тагоръ находитъ инныя формы общезитія.

«Передъ Индіей, съ самаго начала ея исторіи, предстала одна опредѣленная задача: расовая проблема... Исторія нашей страны представляетъ собою исторію постоянныхъ социальныхъ соглашеній и приспособленій, а отнюдь не исторію власти, организованной для нападенія или защиты... Индія пыталась разрѣшить свою задачу, съ одной стороны, включая эти расовыя различія въ рамки самаго социальнаго строя, а съ другой — развивая сознаніе духовнаго единства въ народѣ. Она совершила, правда, рядъ крупныхъ ошибокъ... Но, съ другой стороны, она въ теченіе вѣковъ производила все новыя опыты и творила все новыя формы социальнаго соглашенія. Задача Индіи — это задачи хозяйки, вынужденной заботиться о многочисленныхъ гостяхъ съ совершенно различными привычками и потребностями... Расцветъ и гибель государствъ, борьба за политическую гегемонію не являются истиннымъ содержаніемъ нашей исторіи... Наша исторія повѣствуетъ о социальной жизни и объ осуществленіи религиозныхъ идеаловъ... Ко всей борьбѣ, ко вѣмъ интригамъ и обманамъ своей прежней исторіи сама, Индія была непричастна. Ибо ся жилища, ея поля, ея храмы, ея школы, въ которыхъ учителя и ученики вели жизнь скромную и благоче-

стивую, предавался мирному труду, ея села съ ихъ мирнымъ самоуправленіемъ и ихъ несложными законами — это и была подлинная Ипдія. Но не ея тропы. Они касались ея также мало; какъ облака, нависшія надъ ней...»

Общество, говоритъ Тагоръ, «это форма, въ которой чловѣкъ проявляетъ себя какъ социальное существо. Это естественное регулированіе чловѣческихъ отношеній, дающее людямъ возможность общими усилиями развивать свои жизненные идеалы». Таково пониманіе Востока. Оно противоположно западному, для котораго общество, «нація» есть «организованная сила», поддерживающая въ народѣ стремленіе стать болѣе сильнымъ, болѣе продуктивнымъ.

Востоку необходимо сближеніе съ Западомъ. «Востокъ не можетъ обойтись безъ Запада... мы дополняемъ другъ друга... Духъ запада посѣялъ живыя сѣмена, которымъ суждено не умереть. И если мы въ Индіи сумѣемъ усвоить себѣ всѣ непреходящіе элементы западной культуры, то намъ удастся еще достигнуть примиренія между этими обоими великими мірами». Но величайшую опасность Тагоръ видитъ для Востока, для всего чловѣчества, въ томъ, что и Востокъ самъ заразится западнымъ націонализмомъ, попытается бороться противъ Запада его же собственнымъ ору-

жіемъ, устремится къ созданію могущественныхъ національныхъ организмовъ. На этотъ путь вступила уже Японія, къ которой обращается съ своимъ предостереженіемъ Тагоръ.

«Въ основѣ каждой цивилизаціи лежитъ особое чловѣческое переживаніе. Европа, повидимому, глубже всего почувствовала раздоръ между отдѣльными вещами во вселенной, устранить который можно только подчинивъ себѣ эти послѣднія. Поэтому она всегда вооружена для борьбы и все ея вниманіе направлено на организацію силъ. Японія же, наоборотъ, въ своемъ міровоспріятіи почувствовала соприкосновеніе съ существомъ, передъ которымъ ея душа благоговѣйно преклоняется... Она не господствуетъ надъ природой... Ея родство съ міромъ — это интимное, духовное родство». Эта черта японской культуры должна быть сохранена при сближеніи страны съ европейской культурой.

Передъ Востокомъ стоитъ труднѣйшая задача согласовать духъ его народовъ « съ духомъ времени, пропитать свою культуру современностью; но такъ называемая модернизация, европеизация жизни столь же мало совпадаетъ съ истиннымъ духомъ современности, «какъ стихоплетство съ истинной поэзіей...» Духъ современности совмѣстимъ лишь съ внутреннею свободой... съ самостоятельною мысленіемъ и поведеніемъ».

Рабиндранатъ Тагоръ соглашается принять въ индусскія мастерскія европейскія машины, но не хочетъ раскрыть передъ ними двери храмовъ и домовъ, протестуя противъ зараженія машинизмомъ всей индусской жизни.

Но возможно-ли одно безъ другого? Въ этомъ и заключается весь вопросъ.

Негодующій пагосъ индусскаго писателя намъ близокъ и понятенъ. И нами ошутимы язвы современной европейской культуры. И насъ подавляетъ ея строй; но чуждъ намъ моральный оптимизмъ Тагора, его вѣра въ Востокъ.

Слишкомъ много схематизма въ этомъ противопоставленіи Запада и Востока; не слѣдовало ли бы тщательно пересмотрѣть эти термины, вскрыть содержаніе ихъ! Не оперируемъ ли мы здѣсь призраками? Возможно-

ли объединить этимъ однимъ словомъ — Востокъ — Индію, Китай, Японію? Можно ли заключить въ одніѣ скобки исламъ, конфуціанство, браминизмъ и буддизмъ?

Тотъ фактъ, что Японія съ такой легкостью, съ такой быстротой восприняла именно тѣ стороны европеизма, которыя ужасаютъ Тагора, и заразилась націонализмомъ, это безболѣзненное перерожденіе не свидѣтельствуемъ ли, что здѣсь нѣтъ ничего специфически западнаго, европейскаго, но что мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ общечеловѣческимъ, что Европа дѣйствуетъ на Востокъ какъ бродило, и способствуетъ лишь пробужденію въ немъ и раскрытію тѣхъ-же самыхъ силъ, которыя проявляются и на западѣ? Но въ такомъ случаѣ не оказывается ли лишенной въ большой мѣрѣ значенія привычная аптитеза: Востокъ — Западъ?

Б. Шлецеръ.